

10. Кочуров Б.И. Экодиагностика и сбалансированное развитие. М., 2003. 384 с.
11. Кочуров Б.И. Экологический риск и возникновение острых экологических ситуаций // Изв. АН СССР, сер. геогр. 1992. № 2. С. 112-122.
12. Осипов В.А. Оценка экологической опасности объектов нефтегазового обустройства // Природопользование на северо-западе Сибири: опыт решения проблем. Тюмень: ТюмГУ, 1996. С. 28-39.
13. Осипов В.А. Регламент рационального природопользования: концептуальные подходы и опыт разработки // Природопользование на северо-западе Сибири: опыт решения проблем. Тюмень: ТюмГУ, 1996. С. 51-68.
14. Пахомова Н., Эндерс А., Рихтер К. Экологический менеджмент. СПб.: Питер, 2003. 544 с.
15. Эндрес А., Квернер И. Экономика природных ресурсов. СПб.: Питер, 2004. 256 с.
16. «Об охране окружающей природной среды». Закон РСФСР от 19 декабря 1991 года № 2060-1.

Василий Александрович ЧИХАРЕВ —
аспирант кафедры социально-экономической
географии и природопользования
Тюменского государственного университета
chivasiliy@mail.ru

УДК 911.9: 05.11.41

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧНОСТИ И ТРАДИЦИОННОСТИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

TO THE PROBLEM OF NATURE USING ETHNICS AND TRADITIONS IN THE NORTH-WEST SIBERIA

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается система традиционного природопользования на северо-западе Сибири. Обосновывается необходимость перехода с «присваивающего» на «производящий» подтип традиционного природопользования как условие выживаемости этносов северо-запада Сибири.

SUMMARY. The system of traditional nature using in the north-west of Siberia is considered in this article. The author substantiates the necessity of a change from the «appropriational» subtype of the traditional nature using to «productional» subtype as the condition of ethnic groups survival in the north-west of Siberia

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Система природопользования, традиционное природопользование, этническое природопользование, ландшафт, устойчивость ландшафта.

KEY WORDS. System of nature using, traditional nature using, ethnic nature using, landscape, sustainability of landscape.

Природопользование как сфера научной и практической деятельности имеет множество аспектов — естественно-научных, экологических, экономических, социальных и др. С рациональным природопользованием связываются основные надежды выхода планетарной системы на траекторию устойчивого развития. Учитывая всеобщность принципов устойчивого развития, провозглашенных на Конференции Рио-92 [1] и саммите Мира (Йоханнесбург, 2002) [2], достижение устойчивого развития невозможно без сохранения традиционного и этнического природопользования как базового условия выживания малочисленных народов. Определение оптимальных взаимоотношений между инновационным и

традиционным природопользованием — центральная задача ответственных политических, экономических и технических решений.

Изучая ландшафты северо-запада Сибири, полвека назад еще не тронутые промышленным освоением, а местами и по нынешние времена остающимися в естественном состоянии, нельзя не признать влияния традиционного природопользования народов, ведущих свою хозяйственную деятельность на этой земле последнее тысячелетие (манси, ханты, ненцы). Однако, степень антропогенизации от их деятельности незначительная и поэтому принято считать, что их система природопользования является устойчивой и природосберегающей.

Внутренняя устойчивость традиционного природопользования на северо-западе Сибири, ориентированная преимущественно на потребление биологических ресурсов, находится в остром противоречии с нетрадиционными, современными формами природопользования, при реализации которых биологические ресурсы уничтожаются без использования.

Традиционное природопользование автором понимается не только как исторически сложившиеся и обеспечивающие неистощительное природопользование способы использования объектов животного и растительного мира, других природных ресурсов [3], но и как система жизнеобеспечения коренных этносов. При разработке проектов территориального развития и решения вопросов управления следует учитывать различия понятий.

Этническое природопользование понимается нами как вариант традиционного природопользования для конкретного этноса. Но этнос может менять варианты традиционных систем природопользования, оставаясь этносом, лишь преобразовывая имеющуюся традиционную систему природопользования, оставляя общие правила взаимоотношения общества с природой.

Как первичная форма хозяйствования, традиционное природопользование в товарно-денежном отношении не может быть альтернативой промышленному и аграрно-товарному типам природопользования. Развитие последних типов природопользования вытесняет традиционные системы хозяйствования.

Сам термин «этническое природопользование» (как вариант традиционного) в контексте этого противостояния кажется не очень удачным, ибо и аграрное хозяйственное освоение, в данном случае оленеводство, этнично по своей природе и когда-то развивалось лишь определенными этносами. Любое природопользование может быть этническим и межэтническим, суть же состоит в методах его реализации [3].

При рассмотрении традиционных систем природопользования сохранение природной среды и устойчивость состояния ландшафтов (воспринимаемых как среда обитания и жизнеобеспечивающая система) является неотъемлемой частью миропонимания.

На северо-западе Сибири можно выделить два подтипа традиционного природопользования.

Первый — «присваивающий» подтип традиционного природопользования. **Использование ресурсов, создаваемых самой природой:** собирательство (ягоды, грибы) и охота (промысел дичи, зверя, рыболовство), а также касланное оленеводство. Характеризуется большей площадью используемых ландшафтов для производства продукции ввиду низкой продуктивности. Влияние на ландшафты незначительно, что редко приводит к образованию ландшафтов природно-антропогенного характера. Увеличение производительности труда приводит к значительному увеличению нагрузки на ландшафт и зачастую его значительной антропогенизации.

Интенсификация системы природопользования и прямое «вписывание» ее в современную систему рыночных отношений (основанную на максимализации прибыли) недопустимо. Интенсификация труда вызовет увеличение площади воздействия, пропорциональной повышению производительности труда, т.к. увеличение производительности (в данном случае изъятия) товара может быть достигнуто, при данной системе природопользования, исключительно увеличением площади добычи товара.

Если же производительность труда увеличится без вовлечения новых ландшафтов — это приведет к запредельному воздействию на ландшафт с целью получения прибыли, и как следствие произойдет его усиливающаяся антропогенизация, вплоть до деградации.

Следовательно, при интенсификации природопользования (следствие повышение производительности труда) требуется расчет норм нагрузок на природные системы, с учетом выполняемых последними функций и устойчивости к нагрузкам. Такое обоснование открывает возможность перехода к целенаправленному созданию ресурса (второй подтип природопользования) в виде повышения трофности ландшафтов на основе проведения биотехнических мероприятий с целью увеличения поголовья оленей.

Второй — «производящий» подтип традиционного природопользования. *Целенаправленное создание ресурсов для их потребления:* земледелие (выращивание растений) и скотоводство (оседлое и загонное). Загонное оленеводство связано с первым подтипом природопользования, т.к. базируется на использовании значительной территориальной кормовой базы в условиях возможности частой смены пастбищ. В «производящем» природопользовании для производства единицы продукции используется меньшая ресурсная площадь. Влияние на используемые ландшафты более значительно, что нередко приводит к формированию природно-антропогенных ландшафтов (перевыпас, переэксплуатация рыбных и охотничье-промысловых ресурсов).

Уменьшение региональной нагрузки может быть достигнуто за счет вовлечения новых территорий в хозяйственный оборот. Этот подтип природопользования близок к нетрадиционному природопользованию (аграрному хозяйству) и вполне «вписывается» в современные рыночные условия хозяйствования.

Представляется, что интенсификация системы природопользования и связь ее с современной системой рыночных отношений не повлияет значительно на изменении основ в характере природопользования. Повышение производительности труда может привести как к увеличению производительности природно-антропогенной геосистемы, так и к вовлечению новых территорий в хозяйственное использование.

Интенсификация природопользования делает обязательным не только расчет норм нагрузок на природные системы, но и прогноз воспроизводства биологических ресурсов. Оптимальное сочетание традиционных систем природопользования этого подтипа с нетрадиционными, рыночно-промышленными при внедрении ландшафтного планирования и ухода за ландшафтом не приведет к деградации их системы жизнеобеспечения.

Принципиальное отличие между двумя рассматриваемыми подтипами традиционной системы природопользования заключается в том, что первый, «присваивающий», основывается на потреблении ресурсов в системе естественных биохимических циклов и не приводит к значительной антропогенизации ланд-

шафта, т.к. изымается только часть продукта. Присваивающий подтип традиционного природопользования не способствует оседлости, т.к. при уменьшении запасов природных богатств люди просто переходят на другое место. У скотоводов-кочевников это выражено больше, у рыбаков и собирателей меньше (как правило, эти виды использования природы сочетаются, просто некоторые из них превалируют в разных ландшафтах).

«Производящий» подтип природопользования ведет преимущественно к оседлости населения и созданию постоянных мест жительства. Однако в условиях Севера они могут значительно деформироваться. Миграция между несколькими «сезонно-постоянными» местами жительства связана с низкой продуктивностью северных ландшафтов в целом и использованием мест максимальной сезонной продуктивности.

При интенсификации производительности ландшафтов элементы собирательства и охоты не исчезают, они лишь теряют свое значение как системообразующие, что не мешает им быть значительными в культуре и жизни популяций в данных природных условиях. Иногда в кризисные состояния «производящей» системы природопользования, например в неурожай, элементы первого подтипа («присваивание» естественных природных благ) могут превалировать для социума, однако, это не приводит к смене подтипа традиционной системы природопользования ввиду инертности общественно-природных связей.

По всей видимости, переход от первого ко второму подтипу природопользования (сначала через временную оседлость) прошли все современные системы природопользования. В Сибири из-за суровости климата этот переход замедлился либо не состоялся вовсе за ненадобностью. В наши дни такой переход необходим как условие выживаемости этноса. При интенсификации природопользования новыми методами и средствами важно обеспечить постепенный, адаптивный переход на новый подтип традиционного природопользования. В основу его должно быть положено целенаправленное воспроизводство — «выращивание» ресурсов при сохранении устойчивого состояния геосистем, культуры. Такая система внедряется «снизу», т.е. самими субъектами природопользования.

На северо-западе Сибири распространен как первый, так и второй подтип природопользования в различных площадных соотношениях. Первый тип используют в основном коренные народы Севера: ханты, манси, коми (зыряне), ненцы — т.е. автохтонные народы Севера. Второй, как правило — аллохтонные социумы.

Русские, татары, украинцы, русское старожильческое население и другие некоренные народы Севера, живущие традиционными системами природопользования, селясь в северных условиях, принесли с собой «производящий» подтип природопользования с очагами растениеводства и скотоводства. Их образ жизни — оседлый (в деревнях вдоль крупных рек). Однако, с поколениями при недостаточной технической оснащенности (малая эффективность пришедшей системы сельского хозяйства по сравнению с местной системой «собирательства») они могут менять подтип природопользования на «присваивающий».

Там, где «пришлые» производящие подтипы традиционного природопользования адаптируются к местным географическим условиям, такого перехода к «изымающему» подтипу не наблюдается (русские деревни в низовьях Иртыша).

Истинные причины перехода от одного подтипа традиционного природопользования к другому в нашем представлении заключаются в способности (или неспособности) конкретной популяции, попавшей в непривычные для себя гео-

графические условия, производить продукт больше, чем можно получить при «присваивающем» подтипе природопользования на данной территории. Средством для увеличения производства продуктов является научно-техническая оснащенность. Немаловажна также адаптация какой-либо деятельности к условиям конкретного ландшафта. Такие инновации существенно повышают эффективность использования ресурсов.

При естественном научно-техническом развитии коренных народов и при увеличении численности населения переход на новый подтип традиционного природопользования (с «присваивающего» на «производящий») также произошел естественным путем. Однако остается вопрос: что относится к более сильным факторам — большая эффективность новой системы природопользования (которая позволяла производить больше ресурсов и приводила к увеличению населения) или потребности увеличивающегося населения (которые катализировали более продуктивный подтип природопользования).

В то же время смену «присваивающего» подтипа природопользования на «производящий» нельзя рассматривать как переход на более высокую ступень общественного (культурного) развития. Это лишь вариант традиционного природопользования в условиях вынужденного увеличения изъятия из природной среды биологических ресурсов с целью устойчивого развития этноса. Соответственно увеличивается демографическое [5], точнее социальное давление на ландшафт.

Избежать такого давления в условиях роста народонаселения и потребления невозможно, речь идет о смягчении этого давления путем оптимизации природопользования на основе нормативных ограничений. Простой пример: при появлении у коренного жителя снегохода расстояние, которое он может преодолеть на охоте, увеличивается, соответственно в рыночных условиях увеличиваются запросы на уголья и количество возможного промысла. Земельные уголья ограничены, и при увеличении потребления встанет вопрос искусственного разведения животных и, соответственно, переход на «производящий» подтип традиционной системы природопользования.

Причины преобладающего у коренных этносов «присваивающего» подтипа природопользования в том, что этническая принадлежность определяется типом хозяйствования (подтипом традиционного природопользования). Речь идет о традиционных системах природопользования, связанных с ландшафтно-географическими условиями местообитания при устойчивом производстве товаров для жизнедеятельности людей при сохранении самого местообитания (ландшафта). При промышленном освоении территории и создании надежных постоянно действующих форм связи общества (коммуникации, города и пр.) о традиционно-устойчивой системе природопользования говорить не приходится ввиду значительных нагрузок на природную среду и антропогенизации ландшафтов.

Некоторые авторы, в частности Гудыма А.П., Булатов В.И. [6] аргументируют уникальность отношения коренных народов к природе следующим. Народы Центральной России в силу высокой плотности населения, относительно благоприятных природно-климатических условий и растущих потребностей своего жизнеобеспечения добивались решения проблем через использование технических средств. Малочисленные северные народы шли по пути максимального соответствия природной среде в местах своего проживания, полностью адаптировались к ней и вне этого природного комплекса не могут существовать.

Главным и всеопределяющим условием воспроизводства сообществ малочисленных народов, по мысли данных авторов, является сама природа Севера, а

именно его климат, флора и фауна. Эти обстоятельства привязывают коренное население Севера к территории его обитания самым непосредственным образом. Традиционное природопользование остается на обозримую перспективу материальной основой сохранения традиционного образа жизни северными народами.

Причины существования данной системы природопользования у народов Севера, по-видимому, определяются неимением научно-технической базы для ведения «производящего» хозяйства в условиях Севера. В частности, у народов с большей технической оснащенностью переход к «производящей» системе четко выражен (русские и обрусевшие аборигены по берегам крупных рек, якуты).

Идея «максимального соответствия природной среде в местах своего проживания» не совсем верна. Переэксплуатация природы северными народами действительно ниже, чем у популяций Центральной России, однако причины этого заключаются не в их «гармоничных отношениях с природой», а в неспособности реализовать излишние продукты природной ренты, что делает ненужным излишнее увеличение давления на ландшафты. С увеличением торговли изъятие ими природных ресурсов также возросло, но при небольшой численности оно оказалось значительно меньшим, чем воздействие от пришлого населения. При увеличении численности населения (ввиду увеличения товарообмена и соответственно повышения уровня жизни) давление на природу также привело бы к переэксплуатации, только в иные временные рамки.

Традиционное природопользование на северо-западе Сибири имеет преимущественно «присваивающий» характер. Однако, системы природопользования не являются постоянными, а находятся в постоянном развитии. Смены «присваивающего» подтипа традиционной системы природопользования на «производящий» не произошло ввиду объективных причин, связанных с научно-техническим обеспечением популяций и способами существования в местных географических условиях.

Смена подтипов традиционного природопользования не несет в себе смены этничности или ассимиляции этносов как таковой, речь идет только о смене приоритетов от изъятия ресурсов к производству этих же ресурсов путем интенсификации производительности ландшафтов.

В наши дни такой переход (с «присваивающего» подтипа на «производящий») необходим как условие выживаемости этносов северо-запада Сибири ввиду сокращения продуктивности ландшафтов как от промышленной деятельности, так и от деятельности самих этносов.

При интенсификации природопользования новыми методами и средствами важно обеспечить постепенный, адаптивный переход на новый подтип традиционного природопользования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. <http://www.un.org/russian/conferen/wssd/agenda21/>
 2. <http://www.unep.org/geo/geo3/russian/index.htm>
 3. Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» от 7 мая 2001 года № 49-ФЗ.
 4. Беликович А.В. Арктика: земля и люди. Анализ национальной земельной политики северных федераций. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 1995. 128 с.
 5. Исаченко А.Г. Экологическая география России. СПб.: С-Пб ун-т, 2001.
- Гудыма А.П., Булатов В.И. Социально-философские и экологические аспекты устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера: Аналитический обзор. Серия «Экология», вып. 66. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2002. 109 с.

Иван Николаевич КОРНЕВ —
зав. кафедрой экономической географии
и методики преподавания географии

**Уральского государственного
педагогического университета,**

кандидат географических наук, профессор

Татьяна Геннадьевна БОРИСОВА —

ст. преподаватель кафедры

географии и природопользования

Курганского государственного университета

tgb20052005@yandex.ru

УДК 911.3

ВЫДЕЛЕНИЕ ПРИГРАНИЧНОГО ПОЯСА В СИСТЕМЕ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

ALLOCATION OF NEAR BORDER ZONE IN THE SYSTEM OF NEAR BORDER TERRITORIES (IN KURGAN REGION)

АННОТАЦИЯ. Во многих работах изучение приграничных процессов осуществляется на уровне субъектов федерации или административных районов. В данной статье предпринята попытка выделить в пределах Курганской области самую мелкую территориальную единицу, где наблюдается наиболее интенсивная приграничная деятельность.

SUMMARY. In many works studying of frontier processes is carried out at a level of subjects of Federation or administrative areas. The given article attempts to allocate within the limits of Kurgan area the smallest territorial unit where intensive frontier activity is observed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Приграничный пояс, коэффициент барьерности.

KEY WORDS. A frontier belt, factor of barrier.

Во многих странах граница для прилегающих к ней районов становится одним из благоприятных факторов экономического развития. Поэтому изучение приграничных территорий России, выработка стратегий их развития, в том числе путем создания необходимого правового поля, новых форм управления — одна из актуальных проблем междисциплинарного характера. Географическая составляющая данной проблемы состоит в структуризации приграничного пространства и в четком выделении в его пределах зоны наибольшей интенсивности приграничных процессов.

Структурирование приграничного пространства проводится в рамках административного подхода, предусматривающего изучение приграничных процессов на уровне приграничных субъектов федерации и муниципальных районов, непосредственно прилегающих к границе.

Практически во всех работах, посвященных приграничным территориям, используется термин «приграничная зона», обозначающий некую территорию вдоль границы, с наиболее интенсивными приграничными процессами и явлениями.

Согласно директиве Совета Европы от 1972 г., ширина приграничной зоны определена в 15 км с каждой стороны границы. В современной Европе радиус приграничной зоны устанавливается в зависимости от государства и действующего на его территории законодательства в пределах от 10 до 50 км [1; 78].